

роводе» этот рубенсовский портрет, впрочем, еще не имеет символического значения, он ценностно нейтрален.

Таким образом, «культурологичность» и «цитатность» сознаний и речи героев ранних романов Хаксли «Желтый Кром» и «Шутовской хоровод», равно как и художественных миров этих романов в целом, иллюстрируют позицию Хаксли времени их создания как позицию «абсолютного сомнения», в рамках которой культурные источники прошлого, при всей их разнородности и даже полемичности друг по отношению к другу, не в меньшей степени «равноправны», чем образы мира самих героев Хаксли.

Кольридж С. Т. Сказание о Старом Мореходе // Т. Кольридж. Стихи. М., 1974. 277 с.

Хаксли О. Желтый Кром : роман; рассказы / О. Хаксли ; пер. с англ. Л. Паршина. М., 1987. 302 с.

Хаксли О. Через много лет : роман / О. Хаксли ; пер. с англ. В. О. Бабкова. М., 2010. 317 с.

Хаксли О. Шутовской хоровод / О. Хаксли ; пер. с англ. И. Романовича. М., 1936. 327 с.

Huxley A. Leda / A. Huxley. Kypros Press, 2016. 86 p.

О. Г. Сидорова

ДЭВИД ЛОДЖ: ОСЕНЬ ПАТРИАРХА (роман «Deaf Sentence»)

“Deaf Sentence” by David Lodge: autumn of the patriarch

“Deaf Sentence”, a novel by David Lodge, is analyzed as a part of the writer’s works, namely, as a part of Lodge’s panorama of campus novels. Some of the novel’s features are typical of the author’s campus novels, while the others are unique and distinguish it from the other novels of the genre.

Keywords: *campus novel, David Lodge, comic elements, theme of death.*

Сегодня Дэвид Лодж (1935 г. р.), живой классик английской литературы, обладатель многочисленных литературных премий, представляет славное поколение писателей, которые вошли в литературу в течение последней трети XX века и во многом определили пути ее дальнейшего развития. Его первый роман «Picturegoers» увидел свет

в 1960 г. С этого же времени Д. Лодж начал преподавать литературу в Бирмингемском университете, где позднее защитил докторскую диссертацию, стал профессором, преподавал почти 30 лет, который покинул в конце 1980-х гг., чтобы полностью посвятить себя литературному творчеству и почетным профессором которого он является. Кроме того, Д. Лодж — известный литературовед, автор двенадцати книг по проблемам истории и теории литературы. Его первая книга литературной критики «The Language of Fiction» была опубликована в 1967 г., последняя, «Lives in Writing», — в 2014 г. В 2015 г. была опубликована автобиография писателя «Quite a Good Time to be Born: A Memoir».

Очевидно, что сейчас мы можем оценивать динамику художественного творчества Д. Лоджа во всей его полноте. Среди читателей автор известен прежде всего как автор комических книг — действительно, абсолютное большинство его 15 романов смешны, ироничны, сатиричны, что не лишает их драматизма и проблемности. Один из любимых жанров автора — университетский роман (*campus novel*) в разных вариациях, героями и объектами иронии которого становятся, как правило, филологи, лингвисты и литературоведы, а местом действия — вымышленный Раммидж, который расположен на карте Англии на том месте, где находится реальный Бирмингем и который, судя по многочисленным описаниям в романах Лоджа, почти не отличается от своего прототипа. Более того, само название вымышленного университета прочно вошло в сознание современников писателя, о чем свидетельствуют фразы «Он поступил в Раммидж / учится в Раммидже», которые мне приходилось слышать от реальных людей. Думается, что, меняя реальный топоним на смешно звучащий Раммидж (существительное «gummage» — «хлам, грязь, беспорядок»; глагол «to gummage» — «обыскивать, рыться»), автор задает иронический тон всему повествованию и подчеркивает его вымышленный характер.

Университетский роман — один из традиционных жанров английской и американской литературы. Его возникновению и развитию способствовала культурно-историческая ситуация, непрерывная традиция существования английских университетов, заложенная еще в Средние века. В университетах вырабатывался собственный

кодекс поведения, своя культура, которая тем не менее не разрывала окончательно с общенациональной культурой и постоянно ею подпитывалась. Старейшие университеты Британии являлись закрытыми корпоративными объединениями со своими правилами и требованиями, регламентировавшими всю жизнь преподавателей, служителей и студентов. Университет, таким образом, становился олицетворением иной жизни, отличной от жизни большинства, но постоянно с ней контактирующей и соперничающей в прямом и переносном смысле. Веками жизнь университетских городов описывалась противостоянием городов и университетов, стычками и соперничеством горожан и студентов, что хорошо отражено в английской идиоме *«town and gown»* (дословно «город и мантия»), где сочинительный союз выполняет, скорее, функцию противопоставления. Очевидно, однако, что даже такое замкнутое сообщество, как колледж («значащая единица» университетской обособленности, где принципы корпоративной замкнутости нашли свое воплощение даже в архитектуре) представляло собой модель целого общества, своеобразный микрокосм. Подобная двойственность положения университетов в обществе, противостояние и одновременные контакты университетской и общенациональной культуры породили ряд направлений в рамках университетской прозы [см.: Люксембург].

Роман 2008 г. *«Deaf Sentence»* относится к этому же ряду произведений Д. Лоджа: его главный герой, недавно вышедший на пенсию профессор лингвистики неназванного университета в городе, который расположен к северу от Лондона, Десмонд Бейтс еще не порвал окончательно со своей профессиональной сферой. Он консультирует аспирантов, помогает коллегам, по приглашению Британского Совета, путешествует с лекциями по разным городам и мысленно не может до конца отстраниться от университетской жизни. Комические страницы произведения связаны прежде всего с тем, что Десмонд, который постепенно теряет слух, не желает публично признаться в этом и постоянно попадает в неловкие и смешные ситуации. С этим же фактом, однако, связано и самоощущение героя, прекрасно отраженное в заголовке романа: надвигающаяся глухота воспринимается им как приговор. Английское прилагательное *«deaf»* — «глухой» созвучно с *«dead»* — «мертвый» и *«death»* — «смерть»,

а формула «death sentence» является стандартной для обозначения смертного приговора в судебной практике. Очевидно (автор указывает на это в посвящении к роману), перевод романа на любой язык будет представлять массу переводческих проблем, начиная с заголовка, именно поэтому Лодж посвящает свое произведение переводчикам, с которыми работает много лет. Отметим попутно, что на русский язык роман не переведен, но в русскоязычных рецензиях и статьях встречаются варианты перевода его заглавия «Приговор глухоты» или «Приговор глухотой», то есть тема смерти в них отсутствует. Между тем и для автора романа, как он указывает на это в своем интервью, и для героя тема смерти чрезвычайно важна: *«Often only the context allows me to distinguish between ‘deaf’ and ‘death’ or ‘dead’, and sometimes the words seem interchangeable. Deafness is a kind of pre-death, a drawn-out introduction to the long silence into which we will eventually lapse»* [Lodge, p. 21].

В художественном мире произведения герою приходится пережить не только метафизическую смерть (глухоту), но и реальные трагические смерти близких, и лишь в финале произведения, после того, как Десмонд действительно сможет пережить и осмыслить эти потери, а также побывать в Освенциме, он готов примириться с новой для себя реальностью и принять ее как продолжение жизни. Подобная композиционная структура достаточно характерна для романов Д. Лоджа: в них нет счастливых концовок в классическом варианте, но есть открытый финал и надежда на будущее — как правило, обоснованная логикой развития сюжета и характеров. Форма романа, в котором повествование от первого лица — фрагменты из дневника Десмонда — чередуется с повествованием с точки зрения «всевидящего повествователя», также была неоднократно «опробована» автором в ряде его более ранних произведений, прежде всего в романе «Терапия» (1995).

Насколько роман «Deaf Sentence» вписан в ряд университетских романов писателя? Привносит ли он что-то новое в творчество Д. Лоджа или становится еще одной яркой иллюстрацией уже сформировавшегося (мета) текста? Полагаем, что ответы на эти вопросы немаловажны для понимания динамики творчества писателя.

Филологи — герои университетских романов Д. Лоджа профессионально растут и развиваются вместе с автором: в текстах разных романов отражены вехи его реальной академической карьеры и даже частной жизни. Адам, герой романа «The British Museum is Falling Down» (1965), защищает диссертацию по английскому католическому роману, как в реальной жизни это сделал Д. Лодж; вслед за автором Робин Пенроуз («Хорошая работа», 1988 г.) читает студентам Раммиджа лекции по английскому индустриальному роману — в тексте произведения приводится текст одной из лекций, правда, данной с точки зрения феминистской критики, поскольку Робин — феминистка. Филипп Своллоу, один из сквозных героев университетской трилогии («Академический обмен», 1975, в котором описана жизнь двух университетов, английского и американского; «Мир тесен», 1984, который рассматривает весь мир как университет; «Хорошая работа», 1988, в котором мир университета сталкивается и сопоставляется с миром промышленности), начинает свою карьеру в Раммидже ассистентом кафедры истории литературы, едет по академическому обмену в один из университетов США, возвращается, становится профессором, то есть «повторяет» карьерный рост Д. Лоджа — перечисление можно продолжить. В романе «Мир тесен» герои путешествуют по научным конференциям, переезжая из одной страны в другую и встречая (или теряя) разных людей, что позволяет автору выстроить динамичный сюжет. С другой стороны, герои постоянно обсуждают теорию литературы, и эти разговоры не выглядят в тексте этого или других романов писателя инородными вкраплениями. Действие еще одного университетского романа Лоджа «Думают» (2001) разворачивается в вымышленном Глосестерском университете. Любопытно, что среди второстепенных героев произведения читатели с удовольствием узнают повзрослевшую и добившуюся профессиональных успехов Робин Пенроуз, героиню «Хорошей работы». Бунтарка, максималистка, любимица студентов Раммиджа, Робин не распрощалась с радикальным феминизмом, даже став авторитарным заведующим кафедрой.

Отметим также, что в тех романах автора, которые не относятся к университетским в прямом смысле слова, присутствует тем не менее тема университетской жизни в разных ее воплощениях. Это

в полной мере относится к раннему роману «How far can you go?» (1980), в первой части которого описывается студенческая жизнь героев, и к роману «Райские новости» (2001), протагонистом которого выступает преподаватель колледжа.

Таким образом, в своих романах Д. Лодж создает панорамную картину существования британских университетов с начала 1960-х гг. и почти до наших дней, картину, в которой находят свое отражение особенности их жизни в разные десятилетия (студенческие волнения 1960-х гг., глобализация высшего образования, урезание финансирования и другие ограничения эпохи Тэтчеризма 1980-х гг. и многое другое). Роман «Deaf Sentence» становится еще одним произведением, дополняющим и расширяющим общую картину жизни английских университетов в творчестве Д. Лоджа. Тот факт, что героем романа становится профессор, ушедший на пенсию, позволил некоторым критикам обозначить жанр произведения как «пост-университетский роман» (post-campus novel) [Brownjohn], с чем не соглашается сам автор [Gaberel-Payen], поскольку, по его мнению, «campus novel» — определение, основанное на универсальной пространственной составляющей, а «пост-» — приставка прежде всего темпоральная.

Строго в традиции своих ранних университетских романов Д. Лодж включает в текст произведения научные термины, дискуссии и даже эссе, написанное аспиранткой, на тему стилистических особенностей предсмертных записок самоубийств. Невозможно не увидеть (само) иронию автора, когда Десмонд говорит, обращаясь к своему бывшему коллеге: *«Меня не удивит, если вскоре мы оба появимся — немного в завуалированном виде — в каком-нибудь университетском романе»* [Lodge, p. 166]. Кроме того, рассуждая в дневнике о глухоте, Десмонд пишет своеобразное эссе о творцах, потерявших слух (Гойя, Бетховен и др.), и о теме глухоты в мировом искусстве, которая неизменно связана с темой смерти и, одновременно, с темой комической глухоты. Особенно явно эти мотивы реализуются в главе 16, которая, единственная из всех глав романа, имеет заголовок. Этот заголовок «Deaf in the Afternoon» является парафразом заглавия книги Э. Хемингуэя «Death in the Afternoon», но, с другой стороны, предвещает одну из самых смешных глав рома-

на, в которой Десмонд попадает в целый ряд комических ситуаций, вызванных его глухотой.

В тексте романа в очередной раз автор виртуозно использует широкий набор средств создания комического, который так любят его читатели. Комическое в романе Д. Лоджа проявляется на всех уровнях идейно-эстетической системы произведения, начиная с заголовка. Сама частичная глухота главного героя неоднократно дает автору возможность посмеяться над нелепыми ситуациями, в которые он неизменно попадает, недослышав фразу или неверно поняв собеседника. Подчеркивая комические аспекты своей глухоты, герой провозглашает: «*Deafness is comic, as blindness is tragic... Culturally, symbolically, they are antithetical. Tragic versus comic. Poetic versus prosaic. Sublime verses ridiculous*» [Lodge, p. 14].

Кроме языкового и ситуативного юмора, в романе присутствуют элементы традиционной социальной комедии положений, например, в эпизодах общения отца Десмонда с его аристократическими родственниками со стороны жены. Продолжая традиции предыдущих романов, автор не обходит вниманием и сексуальную сторону жизни героев, и их узнаваемые человеческие слабости, и многое другое.

Элементы автобиографизма, свойственные многим романам Д. Лоджа, также присутствуют в романе «Deaf Sentence», о чем автор прямо заявляет в послесловии (Acknowledgements): «*The narrator's deafness and his Dad have their sources in my own experience, but the other characters in this novel are fictional creations*» [Lodge, p. 308]. Любопытно, что на вопрос интервьюера о том, почему город и университет в романе не названы, автор отвечает: «Я действительно думал снова сделать Раммидж местом действия романа, но именно потому, что в тексте есть узнаваемый биографический слой, мне не захотелось поощрять читателей и заставлять их думать, что все, что в нем происходит, автобиографично. Это неизменно произошло бы в том случае, если бы я поместил события в Раммидже, несколько завуалированном варианте Бирмингема, где, как всем известно, я много лет преподавал и где живу, уйдя на пенсию» [Gabriel-Payen].

С другой стороны, налицо явное отличие романа, которое отделяет его от других произведений Д. Лоджа того же жанра: герой,

а вместе с ним и читатель произведения впервые лицом к лицу сталкиваются с экзистенциальными проблемами человеческого бытия. Тема смерти, которая в предыдущих романах находилась на периферии сюжета или служила источником движения сюжета (например, в романе «Хорошая работа» Робин получает наследство умершего в Австралии дальнего родственника, которого она лично не знала), никогда не становилась предметом изображения или объектом для (пере) осмысления жизни героев. Напротив, в художественном мире романа «Deaf Sentence» смерти близких людей и их предсмертное состояние (первой жены — в воспоминаниях героя, отца в тексте произведения) становятся для Десмонда испытаниями на прочность, пройдя через которые он обретает силы и мужество жить дальше, — не случайно в день смерти отца он узнает о рождении внуки. Размышления героя о цене человеческой жизни выходят далеко за рамки личных переживаний, и особенно очевидным это становится в эпизоде посещения им Освенцима во время поездки в Краков по линии Британского Совета:

«I experienced this place of desolation in a way I knew I would never forget....As I moved deeper and deeper into the camp, as the natural light faded, darkness fell, and the temperature dropped to zero, there were fewer and fewer of them (visitors) visible, the sounds of their voices ceased, and eventually it seemed to me that I was all alone. Normally in such a situation I would have removed my hearing aid to give my ears some relief; but I kept the earpieces in, because I wanted to hear the silence, a silence broken only by the crunch of my shoes on the frozen snow, the occasional sound of a dog barking in the distance, and the mournful whistle of a train» [Lodge, p. 269–270].

Английский критик отмечает: «Что особенно замечательно в “Deaf Sentence” — а роман действительно замечательный — <...>, так это то, что это не просто забавная история о человеке со слуховым аппаратом. Подобно многим другим романам Лоджа, этот роман — Троянский конь, в котором большие темы спрятаны под слоем шуток (именно поэтому автора часто недооценивают как писателя)» [Cooke].

С темой жизни и смерти тесно связан образ отца Десмонда мистера Бейтса-старшего. Его литературным предшественником с полным основанием можно считать мистера Вилкокса, отца Вика

Вилкокса, героя «Хорошей работы»: одинокие небогатые пенсионеры, которые поддерживают тесную связь со своими детьми, но отказываются жить на их попечении, храня свой образ жизни и свой мир. Именно с образом старшего мистера Бейтса связаны самые трогательные эпизоды, самые человечные и понятные каждому читателю эмоции и детали.

Таким образом, роман «Deaf Sentence» во многом продолжает «университетскую эпопею» Дэвида Лоджа: вновь главным героем является профессор университета, вновь в тексте произведения обсуждаются «производственные» проблемы современного образования, отношения с коллегами и студентами (в данном случае — с аспиранткой), вновь в текст вводятся термины, статьи и эссе на научные темы и т. д. Ирония, юмор, сатира, характерные для всех романов Д. Лоджа, в полной мере присутствуют и в анализируемом произведении. Тем не менее можно с полным основанием утверждать, что в нем появляются новые для прозы автора темы и мотивы, прежде всего тема жизни и смерти, которая осмысливается автором с экзистенциальной точки зрения. По мысли героя, с которым, очевидно, солидаризируется сам автор, жизнь и смерть — не просто ступени физического существования, они требуют мужества и осмысления и от самого человека, и от его близких. В этом смысле «Deaf Sentence» преодолевает жанровые ограничения университетского романа, обращаясь, если вспомнить старинную формулу, «to town and gown», где сочинительный союз приобретает свой исконный, соединительный смысл.

Люксембург А. Англо-американская университетская проза / А. Люксембург. Ростов н/Д, 1988. 288 с.

Lodge D. Deaf Sentence / D. Lodge. London, 2008. 310 p.

Brownjohn A. The Silent Pun / A. Brownjohn // Times Literary Supplement. (2008, May 02). URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/private/the-silent-pun/> (дата обращения: 20.10.2017).

Cooke R. Nice Work. The interview: David Lodge / R. Cooke // The Guardian. (2008, April 20). URL: <http://www.theguardian.com/books/2008/apr/20/fiction.davidlodge> (дата обращения: 20.10.2017).

Gaberel-Payen S. Definitely Lodgean ... An Interview with David Lodge / S. Gaberel-Payen // Soliloquee. fr. (2010, August 19). URL: <http://www.soliloquee.fr/2010/08/19/deafinitely-lodgean/> (дата обращения: 20.10.2017).